

* * *

Что мне бессмертные мысли,
Если б бессмертие тела!
Пушкин опал словно листья,
Хоть муза бессмертье спела.
Но всё бы он отдал за юность
Чтоб длилась она столетья,
Чтоб шататься по тропам июня
И двигать ногами по лету,
И воздух чистейший, как спирт,
После грозы вдыхать.
Со славой расстался б Шекспир
За то, чтоб курить у хат,
Камни ворочать, хлестать бы джин,
Землю ногами топтать.
К черту бессмертье души,
Телу бы смерти не знать!

6 ноября 1941 г.

* * *

Сгорает полено в печке,
Людам отдав тепло.
Если бы сердце невечное
Вспыхнуть огнем могло.
И холод отчизны трескучий
Сделать теплей хоть на градус,
Судьбы не желаю лучше
И лучшей не жду награды.
22 декабря 1941г

* * *

На моей этажерке шаткой,
Сучковатой, вишневой, простой,
Русской мысли великая жатва –
Пушкин, Лермонтов, Чехов, Толстой.
В моем ветхом заросшем домике
Все родные висят портреты,
И черты их до боли знакомы,
Наизусть все, что ими пропето.
И согрет ими я и вынянчен,
И у них научился любви,
И шагают живыми с нынешним
Любовью России обвив.
Они говорить научили,
Вросли их страницы в сердце,
И окна метель лишь взмылит
Мы к ним приходили греться.
Будто никем и не созданы,
Будто извечно были,
Без автора точно воздух,
С природой навечно всплылись.

В июль громыхают грома,
Никто не придумал и ветер,
Так и эти родные тома
Безначальных поэтов.
Это природы отросток,
Человечие к ним ни шагу,
Это мудро и просто
Россия вошла в бумагу...
3–11 ноября 1941

* * *

Отец мой построил дом
Сосновый, смолою заплывший.
Построив, он умер потом
Бесславно, не слышно.
В дому есть большие часы,
Много десятков им лет,
Стрелки торчат, как усы,
А мастера тоже нет.
И как продолженье жизни
Двух мастеров дела.
Мастер живет в механизме,
И в дом жизнь отца залегла.
Остаться страшась неизвестным,
Смерти своей страшась –
Я сочиняю песни,
Чтоб в них затаилась душа.
4 декабря 1941

* * *

На голой березе скворешня
Скрипит о сучок и мокнет.
А ветер, бродяга нездешний,
Стучится в закрытые окна.
И ставень уключиной стонет,
Как будто поют рога,
И сад, за плечо меня тронув,
Тоскует пустой и рогат.
Так я у окна угасавшего
Хотел бы сидеть все года
И горечь листвы опавшей
Стояла бы в доме всегда.
На горечи этой настоян
Мир бы не слышно смеркался.
И жить ведь, ей богу, стоит
Если поются вальсы.
Если стволы мокростволы,
Если в руках Тургенев,
Если чуть ставни стонут,
А лужицы ветер запенил.

12 октября 1941